

З.К. Темиргазина*Павлодарский педагогический университет имени Ә. Марғұлан**Павлодар, Республика Казахстан* <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>email: zifatemirgazina3@gmail.com**ПОЭТИКА ПОСТМОДЕРНИЗМА В ЛИРИКЕ ЕРБОЛА ЖУМАГУЛОВА**

Аннотация. В статье поставлена цель изучения механизмов и источников интертекстов как важнейшей черты поэтики постмодернизма в творчестве современного казахского поэта Ербола Жумагулова. Выбор произведений поэта обусловлен своеобразием использования интертекстуальности в его поэтическом стиле, насыщенном ассоциациями и аллюзиями. Его поэтические тексты представляют собой палимпсесты, в которых через «второй» текст «просвечиваются» первичные тексты, ставшие основой для создания нового литературного произведения. Выявлено, что важнейшим источником ассоциаций для порождения новых смыслов выступает художественная литература: имена поэтов и писателей, персонажи и ситуации из литературных произведений; исторические деятели и события; религиозные и культурные реалии. Жумагулов использует приемы парафраз, аппликаций, эпиграфов, аллюзий, реминисценций для создания многослойного глубинного художественного универсума, в котором сливаются в единое целое казахские, античные, русские реалии, персонажи, факты. Идеино-смысловой задачей интертекстов Жумагулова является отображение экзистенциального одиночества, характерного для героя постмодернистской литературы. Интертексты, органично встраиваясь в новый текст, активизируют ассоциативные связи с дополнительными смысловыми оттенками (иронией, сарказмом), создают комический или драматический эффект. Поэт заимствует не только лексические средства (имена и фамилии писателей, литературных персонажей, исторических деятелей и т.п.), но и синтаксическую и ритмико-интонационную структуру «чужих» поэтических строк. Авторство интертекста не всегда указано, поскольку читатель должен обладать определенным культурным багажом, чтобы узнать общеизвестное выражение в процессе интерпретации жумагуловского текста. В основе создаваемого в лирике Жумагулова художественного мира лежит стремление автора к «деконструкции» реальности вокруг себя, к блужданию в «неустойчивой» реальности в поисках истины.

Ключевые слова: постмодернистская эстетика; интертекст; палимпсест; парафраз; аллюзия

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

История статьи:

Дата поступления: 09.04.2026

Дата принятия: 11.06.2026

Введение

Ербол Жумагулов – современный казахский русскоязычный поэт, лауреат различных литературных конкурсов и фестивалей («Казахстанская современная литература», «Магия твердых форм и свободы» и др.). Его стихи публиковались в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Континент», «Октябрь». Наиболее известный сборник «Ерболдинская осень» (2006). Кроме этого, поэт активно публикуется в сетевых журналах, в так называемой «сетературе»: «Сетевая словесность», «Әдеби портал» и др.

Жумагулов в полной мере осознает сложность и пограничность своего художественного мировоззрения. В интервью в 2021 году на вопрос журналиста «Олжас Сулейменов, Бахыт Кенжеев, ты и ряд других поэтов-казахов пишете на русском. Считаешь ли ты себя казахским поэтом?» Жумагулов ответил: «Я считаю себя просто поэтом. А казахский поэт, пишущий по-русски или русский поэт казахского происхождения, каждый пусть сам решает. Я не могу не сказать, что принадлежу к русской словесности, потому что по-русски пишу. Но я пишу про все казахское и про свои казахские переживания, про казахскую действительность».¹

Отмечая, что языком его поэзии является русский язык, он в то же время акцентирует идейно-содержательную, образно-эстетическую привязку своего творчества к казахской концептуальной картине мира, к казахскому мировосприятию. Поэт ясно определяет свою национальную и культурную идентичность, называя себя в стихах *казахским поэтом Жумагуловым / (но с русской мурой на устах)* (Новояз. Жумагулов, 2006, с. 129). Он говорит о желании вернуться к своим истокам, о поисках себя и своего места в казахоязычной литературе: «По-казахски я писать пробовал, пробую и буду пробовать. Другой вопрос – качество. А оно пока не такое, чтобы без стыда можно было показать публике. Поэтому я учусь, читаю, углубляю свой казахский по мере возможности. Мне бы хотелось в будущем хотя бы одну книгу стихотворений на казахском написать».²

Жумагулов, поэт XXI века, несомненно, отразил в своем творчестве философию и эстетику постмодерна. В постмодернизме прошлое переосмысливается с улыбкой, с черным юмором, сарказмом и пастишем, т.е. имитацией стиля. Ирония и пародия в постмодернистском «карнавале» служат инструментом деконструкции любых догм и властных структур. Каждое стихотворение – это своеобразное самоосмысление поэтом своего места и роли в окружающей «неустойчивой» реальности. Лирический герой переживает внутренний кризис, осознавая свою оторванность от культурных корней и стремясь найти опору в памяти и поэзии. Он воспринимает окружающую действительность через призму иронии и игры, что подчеркивает его дистанцию от реальности и других людей. Одиночество героя в постмодернизме – это не просто социальная изоляция, а экзистенциальное состояние, обусловленное обесцениванием личностных смыслов и потерей твердой идентичности:

¹ Ербол Жумагулов: «Я заложник своей репутации» // Check-point. 15.06.2021. URL: <https://check-point.kz/publication?id=164> (дата обращения: 10.02.2026).

² Там же.

*Одиночество – свойство любой среды,
прикипая к нему, я уже сродни
миллиардам себе подобных.
Озорная молекула zdeшних мест –
свет покуда не выдаст, и тьма не съест –
я блуждаю без права на отдых
(Жумагулов, 2006, с. 99).*

Герой Жумагулова – всего лишь *молекула*, пусть и *озорная, сродни миллиардам себе подобных*. Одиночество в постмодернистском мироощущении поэта это естественное, экзистенциальное *свойство любой среды*.

Постмодернизм как культурное и литературное течение основывается на философии кочевничества, сформулированной видным итальянским теоретиком постмодерна и трансавангардизма Бонито Олива (Oliva, 1982). Под «культурным номадизмом» он подразумевал свободное перемещение между стилями разных эпох без привязки к конкретной идеологии или догме, т.е. возводил эклектизм в принцип созидания. Еще один важный для нашего исследования постулат постмодернизма заключается в том, что Олива доказал, что локальные, этнические традиции могут быть актуальными в эпоху постмодерна.

Наибольший вклад в теоретическую разработку поэтики постмодернизма и инструментария ее литературного анализа внес Жерар Женетт (Genette, 1997). Он использовал понятие транстекстуальности как общего термина для всех типов отношений между текстами, включая интертекстуальность. Кроме того, он ввел метафору «палимпсеста», буквально слово означало старинный пергамент, где новый текст написан поверх стертого старого. Метафора описывала, как литературные произведения создаются на основе уже существующих. В литературе «второй текст» не уничтожает оригинал, поскольку без него смысл нового произведения будет неполным. Палимпсест, по Женетту, это сложная структура, где под современным сюжетом всегда скрывается «память» предыдущей литературы.

Поэтическое творчество Жумагулова еще не получило достаточной рефлексии в академической среде. Мы можем назвать лишь две статьи Т.Г. Кучиной (2014; 2020), посвященные, конечно же, самой яркой черте его поэтического постмодернистского стиля – интертекстуальности, реминисценциям: «Готовность любого фрагмента текста в лирике Ербола Жумагулова обернуться цитатой (лишь поначалу не узнаваемой) сигнализирует о семантической активности слова: опорными лексемами стихотворения оказываются “поливалентные” единицы, несущие на себе отпечатки разнящихся предшествующих контекстов и легко образующие ассоциативные связи в новых сцеплениях» (Кучина, 2014, с. 78).

Цель нашего исследования – выявить механизмы и источники интертекстуальности как важнейшей черты поэтики постмодернизма в творчестве современного казахского поэта Ербола Жумагулова.

Материал и методы

Объект интертекстуального анализа в статье – лирические произведения Ербола Жумагулова преимущественно из сборника «Ерболдинская осень» (2006), а также из журналов «Дружба народов» (2005), «Континент» (2007).

В качестве метода исследования текста применяется интертекстуальный анализ, направленный на выявление его связей с другими произведениями. Связи выявляются в форме парафраз, аллюзий, реминисценций. Интертекстуальный анализ помогает раскрыть глубинные смыслы, скрытые отсылки и диалог автора с культурной традицией, определяя, как «чужое» слово формирует контекст изучаемого произведения.

Этот метод основывается на теории интертекста Ю. Кристевой (Kristeva, 1967) и Р. Барта (Barthes, 1974). Согласно Кристевой, поэтическое слово функционирует в трех измерениях «текстового пространства, в котором происходит оперирование различными семными комплексами и поэтическими синтагмами. Эти измерения таковы: субъект письма, получатель и внеположные им тексты (три инстанции, пребывающие в состоянии диалога). В этом случае статус слова определяется: а) горизонтально (слово в тексте одновременно принадлежит и субъекту письма, и его получателю) и б) вертикально (слово в тексте ориентировано по отношению к совокупности других литературных текстов – более ранних или современных)» (Кристева, 2000, с. 428).

По Барту (Barthes, 1974), в любом тексте присутствуют элементы предшествующей и окружающей культуры в узнаваемых или анонимных формах. Интертекстуальность создает «неустранимую множественность» смыслов написанного автором текста. Текст всецело символичен и открыт для бесконечных толкований и интерпретаций читателей. Именно с ролью читателя в интерпретации текста и связана идея Барта о «смерти автора» (Barthes, 1967), ставшая лозунгом постструктурализма и постмодернизма. Барт предлагает искать смысл произведения не в личности писателя (его намерениях, вкусах, детских травмах), а в самом тексте как пространстве, где смешиваются тысячи культурных кодов и цитат из других книг. Автор не «создает» текст, а лишь «комбинирует» разные тексты, которые затем читатель сводит воедино, придавая тексту смысл и тем самым давая ему жизнь. Барт (Barthes, 1967) провозглашает знаменитый парадокс: «Рождение читателя должно быть оплачено смертью Автора».

Механизм интертекста основан на различных способах инкорпорирования «чужого» текста, несущего иные культурные смыслы и коды, во вновь создаваемый текст с помощью различных приемов: реминисценций, аллюзий, парафраз, аппликаций и т.д.

Результаты и обсуждение

Творчество Жумагулова сочетает в себе разнообразие использованных постмодернистских формальных, поэтических техник, передающих свойственные эпохе деконструктивистские попытки деформировать и разрушить реальность. Он активно использует палимпсест, интертекстуальные отсылки, включая аллюзии, реминисценции, парафразы, аппликации к творчеству казахских, европейских и русских классиков, таких как Абай, Гомер, Артур Рембо, Дж. Джойс, О. Мандельштам, А. Ахматова, М. Булгаков и др. Это создаёт многослойность текста,

где каждое слово может нести отпечаток предыдущих контекстов и образовывать новые ассоциации. «... Любое слово, кажется, можно взять в кавычки, каждое тянет за собой шлейф коннотаций из предшествующих контекстов» (Кучина, 2020, с. 75).

Постмодернистская поэтика характеризуется развёрнутостью аллюзий и реминисценций, требующих от читателя определенного культурного багажа, так как, по Барту, написанное произведение означает «смерть автора» и рождение читателя как создателя-интерпретатора текста. Жумагуловские интертексты представляют собой ассоциации, в первую очередь, с поэтами, писателями, с отдельными образами, художественными деталями, мотивами из их произведений, с ритмико-интонационной и синтаксической структурой, и во-вторых, с историческими деятелями и событиями. Еще один особый пласт интертекста составляют идиомы, которые, выступая в качестве «чужого» текста, модифицируются автором в соответствии с художественной задачей, меняя форму и свое содержание. Кроме того, он активно использует такие механизмы интертекста, как парафраз и аппликация, которые представляют собой переработку или наложение чужих текстов для создания новых смысловых пластов. Поэт обращается к казахским культурным, историческим и религиозным образам и традициям (*жума намаз, Мамай, Абай, сарбаз*) и сочетает их с русской литературной формой, создавая уникальное транскультурное пространство для выражения казахской идентичности на русском языке.

1. Литературные аллюзии и парафразы в постмодернистской лирике Жумагулова

Жумагуловский поэтический текст насыщен интертекстуальными включениями. Поэт осознаёт формальную ограниченность языка и стремится преодолеть её через эксперименты с поэтической, словесной техникой, через наполнение его смысловыми литературными, культурными, историческими ассоциациями.

В лирическое стихотворение «Уснувший у телефона» (2006, с. 41–43) поэт включает аллюзию к роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита»:

*Позвони мне... Грядущее
имеет склонность иногда не наступать окончательно
(в этом смысле не надо быть Берлиозами –
масла и Аннушек хватит на всех).*
(Уснувший у телефона. Жумагулов, 2006, с. 41–43).

Булгаковские персонажи Берлиоз и Аннушка, важная символическая деталь ситуации (пролитое масло) создают развернутую аллюзию и формирует философскую мысль о хрупкости будущего, которое мы планируем. Оно может не наступить в том виде, в каком люди это ожидают, или не наступить совсем. Берлиоз в романе Булгакова – атеист и рационалист, не верящий в судьбу и сверхъестественное, полагающий, что человек сам управляет своей судьбой. Однако судьба в образе Аннушки и купленного ею масла распорядилась его жизнью, невзирая на его убеждения. Лирический герой в произведении Жумагулова призывает задуматься и не полагаться лишь на сухой рационализм или пытаться все предусмотреть. Судьба

(или случай) непредсказуема, и «масла», т.е. фатальных случайностей хватит на каждого, кто слишком самоуверен.

В стихотворении Жумагулова «Бессонница. Абай. Пасутся табуны»¹ интертекст присутствует в виде парафраза, т.е. недословного изложения «чужого» текста, частично или полностью сохраняющего исходный смысл. Поэт обращается к стихотворению О. Мандельштама «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...», из которого также заимствован синтаксис и ритмическое построение поэтических строк. У Жумагулова *Гомера* заменяет *Абай*, а *тугие паруса* – фраза *пасутся табуны*. Появление последней фразы завершает прием палимпсеста, т.е. формирование многослойной аллюзии. В сборнике Мандельштама «Камень» после стихотворения «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» следует другое – «С веселым ржанием пасутся табуны...». Таким образом, выражение *пасутся табуны* не только продолжает тему Абая, но и является заимствованием-аппликацией из другого произведения Мандельштама.

Во второй строке стихотворения *Я список лошадей прочёл до середины* автор преобразует идиому *считать баранов* в значении ‘пытаться заснуть’, заменяя лексему *баранов* на *лошадей*, сохраняя тем самым смысловую логику с первой строкой (*пасутся табуны*) и продолжая культурные казахские мотивы в ассоциативной цепочке *Абай – пасутся табуны – лошади*, придавая ей в конечном счете транскультурный характер.

Основной идеей следующего стихотворения Жумагулова является мужественное принятие жизни, неотъемлемой частью которой является смерть. Смерть не внешний враг, это внутренний спутник бытия человека. Мудрость заключается не в игнорировании смерти, а в осознанном сотворчестве с ней, в умении жить «безоглядно» и «счастливо» на фоне её неизбежности:

*я работаю в общем над смертью
и она надо мной и она
надо мной и она надо мною
и вполне себе счастлив хотя
то как зверь временами завою
то заплачу порой как дитя*
(Два стихотворения. Жумагулов, 2006, с. 133).

Осознание смертности не отменяет радости бытия, а делает его более интенсивным, обостренным. Счастье в данном контексте – это способность жить полноценно, несмотря на постоянное присутствие финала. Автор подчеркивает хрупкость и противоречивость человеческого счастья. Парафразой пушкинских строк *То как зверь временами завою, / То заплачу порой как дитя* Жумагулов описывает страх и незащищенность человека перед лицом небытия. Перепады от ярости (воя зверя) к полной беспомощности (плачу дитяти) – это нормальная реакция человека, осознающего свою смертность. Строки из стихотворения А.С. Пушкина «Зимний вечер» *Буря мглою небо кроет, / Вихри снежные крутя; / То, как зверь, она завоет, / То заплачет, как дитя...* поэт переосмысливает в философском ключе, переводя пейзажное описание зимнего ненастья в контекст размышления

¹ Жумагулов Е. Менингитное небо столицы // Континент. 2007. № 132. С. 84.

о жизни и смерти как неизбежной спутнице бытия и счастья, не исключаящего страданий и боли.

Как и в предыдущем примере в парафразах можно отметить заимствование Жумагуловым не только смысла «чужого» текста, но и его синтаксического построения, ритмической структуры конструкций, что усиливает ассоциативное сходство с «чужим» текстом.

Характерным примером постмодернистской лирики, насыщенной культурными реминисценциями и темой экзистенциального одиночества, является следующее четверостишие:

*Как же разминулись бы с тобой – в темных
лабиринтах сентября?
Близ тебя, твоих объятий близ,
Я прошел, как джойсовский Улисс
(Я курю на кухне... Жумагулов, 2006, с. 119).*

Лирический герой сожалеет о том, как легко люди теряют друг друга, находясь в шаге от счастья или понимания. *Темные лабиринты* – это метафора запутанности человеческих отношений, сложностей судьбы, где легко сбиться с пути и пройти мимо «своего» человека. Тема сложности человеческих отношений переплетается с темой упущенных возможностей и хрупкости близости: *Как же разминулись бы с тобой...* Лирический герой сравнивает себя с героем романа Джеймса Джойса «Улисс» Леопольдом Блумом, который совершает своеобразное «путешествие» по Дублину в течение одного дня: *Близ тебя, твоих объятий близ / Я прошел, как джойсовский Улисс*. Как и Блум, лирический герой Жумагулова – одинокий путник, который видит, наблюдает, находится «близ», но при этом отстранен, словно находится внутри чужого, путаного сюжета, а не живет полноценной любовью. Аллюзия к герою Джойса вносит мотив одиночества, созерцательности и блуждания человека в хаосе современной жизни. Внутренний сюжет – поиск любимой – накладывается на внешние обстоятельства, создавая ощущение нереальности происходящего.

Жумагулов не раз обращается к персонажу Джойса, поскольку этот образ привлекает его неприкаянностью героя, идеей блуждания человека в современном хаосе, близкой его поэтическому мировосприятию:

*Иной проснешься раз, не напрягая глаз,
но мозгом от Морфея ускользая,
и снова ищет ум, блуждая словно Блум,
искомому названия не зная
(Иной проснешься раз... Жумагулов, 2006, с. 124).*

2. Исторические аллюзии и реминисценции

Исторические факты, персонажи, события становятся основой для поэтических средств (метафор, сравнений, эпитетов и т.д.), создающих многослойную развернутую картину-загадку, или картину-пазл, которые должен расшифровать и собрать в своем воображении читатель. Исторические интертексты

Жумагулова охватывают широкий хронологический период и характеризуются географическим разбросом: от античной эпохи до времен Бонапарта, от древнего Рима до Франции XVIII–XIX веков.

В следующих строках представлен метафизический масштаб событий, которые рассматриваются не с точки зрения бытовой суетности, а с позиции вечности:

*чьей памятью я вспоминаем
покуда с нездешних высот
закат **полоумным** мамаем
на шов горизонта идет?
(music)¹*

В потрясающем сравнении уходящего дня с неистовым, стихийным и разрушительным нашествием в XIV веке монгольского темника Мамая подчеркивается иррациональность и неуправляемость времени и природных циклов. Закат здесь не мирное угасание суетного дня, а агрессивное, кроваво-красное наступление тьмы, сметающее всё на своем пути. Он идет *на шов горизонта*, туда, где соединяется небо и земля, конечное и бесконечное, как бы пытаюсь разорвать или, наоборот, окончательно запечатать границу между мирами.

Географический и хронологический разброс в ассоциациях с историческими деятелями создает многоплановое художественное пространство, в которое погружается авторский мировзгляд, приобретающий общечеловеческий культурный контекст. Жумагулов обычно использует прием апелляции имен собственных. Так, в следующих строках имена римских исторических деятелей *Цезарь* и *Брут* становятся нарицательными, обобщаются и обозначают любого правителя и его убийцу:

*равнодушной души не труди
никому неизвестной страны гражданин
с червоточинной боли в груди
здесь у **каждого цезаря** будет свой **брут**
(за окном города, города... Жумагулов, 2006, с. 105).*

Аллюзия к древнеримской истории о смерти Цезаря от рук Брута есть напоминание о неизбежности предательства и краха любых амбиций. Даже если ты возвысился до «цезаря», жизнь уравнивает это падением. Это призыв к смирению: не стоит обольщаться властью или успехом, финал всегда предопределен. В стихотворении транслируется идея отстраненного наблюдения. Лирический герой принимает несовершенство мира, неизбежность боли и человеческую неблагодарность как данность. Вместо того чтобы бороться с внешним миром, он выбирает путь внутренней эмиграции и философского спокойствия.

¹ Жумагулов Е. Говори, раздвигая пространство словом // Дружба народов, №6, 2005. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhiba/2005/6/govori-razdviigaya-prostranstvo-slovom.html>

В отсылке к образу Наполеона Бонапарта автор передает сочетание амбициозности, трагизма и человеческой хрупкости героя, который стремится к великим целям, но неизбежно сталкивается с реальностью поражения:

*Мне, похоже, опять не удастся
обнаружить твой адрес по старым и выцветшим картам...
Ну да ладно с ним... с адресом... видимо, проще остаться
тем же "маленьким – правда, споткнувшимся – бонапартом"...*
(Постскриптум-2).¹

Образ Наполеона Бонапарта – один из самых транслируемых в поэзии интертекстов. Жумагулов своеобразно интерпретирует метафору «маленького бонапарта»: она ассоциируется не с величием, а с амбициозным, но обреченным человеком, который «споткнулся», то есть потерпел неудачу, несмотря на свой азарт и самоуверенность. В этой аллюзии автор передает внутренний драматизм лирического героя.

Лирическое стихотворение «Latina» – это ироничный, но глубокий совет о том, как проживать внезапное чувство любви, сохраняя баланс между страстью и осознанностью:

*настигнет боссановая любовь
уловишь сердца истовую флейту
и тут уже товарищ не буровь
но делай все **по ясперсу и фрейду***
(Latina. Жумагулов, 2006, с. 117).

Метафора-окказионализм *боссановая любовь* образована от названия музыкального жанра *босса-нова*, в котором сочетается чувственность бразильской самбы и интеллектуальность джаза. Она подчеркивает, что пришедшее любовное чувство – легкое, ритмичное, но при этом сложное и «не попсовое». Призыв *не буровь* предлагает не суетиться, не вести себя грубо или неуклюже (не «бурить» реальность), когда слышишь «истовую флейту» сердца.

Поэт советует довериться моменту, не пытаясь его форсировать. Совет *делай все по ясперсу и фрейду* подразумевает, что любовь нужно встречать во всеоружии: как с пониманием своих животных инстинктов (по Фрейду), так и с высокими философскими требованиями к близости (по Ясперсу), сохраняя баланс между «диким» сердцем и «культурным» разумом, упакованный в ироничную форму городского романа. Отсылка к З. Фрейду означает признание своих истинных сексуальных и эмоциональных влечений, а отсылка к К. Ясперсу, философу-экзистенциалисту, – глубокую, подлинную связь между двумя личностями, где любовь становится актом самопознания и свободы.

Таким образом, поэзия Ербола Жумагулова представляет собой глубокое и разноплановое исследование человеческой души, культурной идентичности и возможностей языка, объединяя через палимпсест и интертекстуальность традиции

¹ Ербол Жумагулов. Оклик ангела // Сетевая словесность. <https://www.netslova.ru/zhumagulov/stihi.html> (дата посещения: 05.05.2026).

казахской, русской и европейской литературы в целостный общечеловеческий художественный мир.

3. Аллюзии к религиозным и культурным явлениям

Еще одной важной чертой постмодернистской поэтики Жумагулова становится игра и карнавальность. Искусство для него не застывшее явление, а процесс, игра автора с читателем, где важна не истина, а интерпретация. Словотворчество, языковую игру, «жонглирование» смыслами отмечает И. Якимова, которая говорит о присутствии в его поэзии «разнообразных манифестов, стихотворений в прозе, словесных мозаик, чтобы “не до скуки”, и прочего, свидетельствующего как о неистощимом любопытстве автора к словотворчеству, так и неукротимом желании вчерне – эпатировать публику, а попросту – развлекаться. Это понятно и простительно, как тренировочные вокализы созревающей звезды бельканто. Это отличные технические задачки на овладение ремеслом» (Якимова, 2003). Она считает стремление к словотворчеству временным явлением в поэзии Жумагулова, своеобразной «болезнью роста».

Не совсем соглашаясь с этим мнением, мы полагаем, что это нечто иное, обращенное к внутреннему осознанию поэтом несовершенства окружающего мира, которое можно передать в постмодернистском поэтическом «несовершенстве», ломке традиционных канонов, нелинейном, прерывающемся, сбивчивом ритме. Эти поэтические упражнения и экзерсисы Ербола Жумагулова служат одной цели – разрушению или хотя бы размыванию основ окружающей «неустойчивой» реальности, ее «деконструкции».

Языковая игра прослеживается на различных уровнях системы языка (фонетическом, лексическом, фразеологическом, словообразовательном, синтаксическом, стилистическом, графическом), она выступает психолингвистическим приемом аттракции, привлечения внимания читателя и создания эмоционального эффекта (Темиргазина, Мельничук, 2024). Например, в стихотворении «Жума намаз» мы обнаруживаем на лексическом уровне игру со словами из разных языков, схожими по звучанию, но транслирующими различные культурные коды:

«Салам, молекула!»

«Молекула, салам!»

(Жума намаз).¹

Разрушая общепринятый в казахской культуре канон приветствия «Ас-саламу алейкум», заимствованный из арабского языка, поэт создает на основе фонетического сходства свой иронически-насмешливый вариант приветствия.

Постмодернистской эстетике свойственно желание разрушать и нивелировать авторитеты и каноны, в том числе религиозные. Поэт соединяет выражения из двух различных религиозных лексических систем: мусульманской и христианской: *Аллах акбар! – Воистину акбар!* Тем самым он создает в тексте точку экспрессивной напряженности, столкновения чужеродных конкурентных

¹ Жумагулов Е. Говори, раздвигая пространство словом // Дружба народов, №6, 2005. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2005/6/govori-razdvigaya-prostranstvo-slovom.html>.

смысловых кодов, усиливая таким образом выразительность поэтических строк и воздействие на читателя (Дерунова, Темиргазина, 2024).

Заключение

Мы раскрыли некоторые особенности постмодернистской поэтики, отражающие своеобразие художественного мировоззрения Е. Жумагулова: интертекстуальность, палимпсест, языковую игру, различные способы словотворчества. Эстетика постмодернизма характерна для казахской транскультурной поэзии начала XXI века. Однако в лирике Жумагулова прослеживается неукротимое желание к «деконструкции» окружающей реальности, которое порождает обостренное стремление к словотворчеству, к ревизии поэтических канонов и техник, к углублению исторического и культурного контекста, в который он погружает свой авторский мировзгляд, стремясь разрушить реальность вокруг себя и построить взамен другую. Несомненно, доминирующим ассоциативным источником для него является литература, затем по частотности использования идет мировая история и философия: античная, европейская. Излюбленный прием языковой игры поэта – трансформация идиом, афоризмов. Выстраивание аллюзий к литературным текстам, поэтам и писателям не ограничивается традиционными канонами (эпиграфами, аппликациями, парафразами), Жумагулов вступает с ними в дискуссию или даже в прямой диалог, включая таким образом их в реализацию идейно-художественной мысли своего произведения.

Интертекстуальные детали, органично встраиваясь в новый контекст, создают ассоциативные связи, передающие дополнительные смысловые оттенки: иронию, сарказм, комический или драматический эффект. Зачастую автор не указывает, кому принадлежит цитата, предполагая, что читатель узнает общеизвестное выражение. Интертекстуальность как одна из основных характеристик эстетики постмодернизма призвана создавать диалоги между текстами, авторами, литературами, историей эпох и, шире, разными культурами и цивилизациями, моделируя общечеловеческое культурное пространство и универсальное ценностное поле.

Список использованной литературы

- Дерунова Е., Темиргазина З. Семиотическое прочтение стихотворения Олжаса Сулейменова "Хромой кулан" // Тіл және әдебиет: теориясы мен тәжірибесі – Язык и литература: теория и практика, 2024. Т. 3. № 2. С. 39–55. <https://doi.org/10.52301/2957-5567-2024-3-2-39-55>
- Жумагулов Е. «Я заложник своей репутации» // Check-point. 15.06.2021. URL: <https://check-point.kz/publication?id=164> (дата обращения: 19.02.2026).
- Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. Москва: ИГ Прогресс, 2000. С. 427–457.
- Кучина Т.Г. Поэтические реминисценции в стихотворениях Ербола Жумагулова // Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения). Мат-лы IV междунар. научн. конф. Ред.-сост. П.Е. Спиваковский. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 78–81.

- Кучина Т.Г. Поэтика интертекстуальности в лирике Ербола Жумагулова // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 1(3). С. 69–76. <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2020-1-3-69-76>
- Темиргазина З.К., Мельничук Ю.А. Словотворчество в поэзии Ербола Жумагулова как часть языковой игры // Мат-лы междунар. научно-практ. конф. «Азиатский фронтир: проблемы трансфера культур». Павлодар: ППУ им. Маргулана, 2024.
- Якимова И. Смуглый мастер подобий текстосновидения Ербола Жумагулова. 2003. URL: <https://stihi.ru/2003/04/18-15> (дата обращения: 28.02.2026).
- Barthes R. (1967). The Death of the Author. *Aspen Magazine*, 5/6.
- Barthes R. (1974). *S/Z: An Essay*. Trans. Richard Miller. Farrar, Straus and Giroux. 271 p.
- Genette, G. (1997). *Palimpsests: Literature in the Second Degree*. Translated by Channa Newman and Claude Doubinsky. University of Nebraska Press. 508 p.
- Kristeva, J. (1967). Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman. *Critique*, 23(239), 438–465.
- Oliva, A.B. (1982). *The International Trans-avantgarde*. Publisher, Giancarlo Politi Editore. Length. 319 p.

Источники

- Жумагулов Е. Говори, раздвигая пространство словом // Дружба народов. 2005. №6. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2005/6/govori-razdvigaya-prostranstvo-slovom.html> (дата обращения: 12.02.2026).
- Жумагулов Ербол. Ерболдинская осень. Астана: "Елорда", 2006. 136 с.
- Жумагулов Е. Менингитное небо столицы // Континент. 2007. № 132. С. 84.
- Жумагулов Е. Окликающая ангела // Сетевая словесность. <https://www.netslova.ru/zhumagulov/stihi.html> (дата посещения: 05.05.2026).

References

- Barthes Roland. (1967). The Death of the Author. *Aspen Magazine*, 5/6.
- Barthes Roland. (1974). *S/Z: An Essay*. Trans. Richard Miller. Farrar, Straus and Giroux.
- Derunova, E., & Temirgazina, Z. (2024). Semioticheskoye prochteniyе stikhotvoreniya Olzhasa Suleimenova “Khromoy kulan” [Semiotic Reading of Olzhas Suleimenov’s Poem “Lamed Kulan”]. *Til žāne ādebiet: teoriyāsы men tāžiribesі – Language and Literature: Theory and Practice*, 3(2), 39–55. (in Russ.). <https://doi.org/10.52301/2957-5567-2024-3-2-39-55>
- Genette, G. (1997). *Palimpsests: Literature in the Second Degree*. Translated by Channa Newman and Claude Doubinsky. University of Nebraska Press.
- Kristeva, J. (1967). Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman. *Critique*, 23(239), 438–465.
- Kuchina, T.G. (2020). Poetika intertekstual'nosti v lirike Yerbola Zhumagulova [The Poetics of Intertextuality in the Lyrics of Erbol Zhumagulov]. *Mir russkogovoryashchikh stran* [The World of Russian-Speaking Countries], 1(3), 69–76. (in Russ.). <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2020-1-3-69-76>
- Oliva, A.B. (1982). *The International Trans-avantgarde*. Publisher, Giancarlo Politi Editore. Length.
- Temirgazina, Z.K. & Melnichuk, Yu.A. (2024). Slovtvorchestvo v poezii Yerbola Zhumagulova kak chast' yazykovoy igry [Word Creation in the Poetry of Erbol Zhumagulov as Part of a Language Game]. In *Materialy mezhdunar. nauchno-prakt. konf. «Aziatskiy frontir: problemy transfera kul'tur»* [Proceedings of the

- International Scientific and Practical Conf. "Asian Frontier: Problems of Cultural Transfer"]. Pavlodar: PPU im. Margulana. (in Russ.).
- Yakimova, I. (2003). *Smuglyy master podobiy tekstosnovideniya Yerbola Zhumagulova* [The Dark Master of Similarities in the Textual Foundations of Erbol Zhumagulov's Vision]. Retrieved 28 February 2026 from <https://stihi.ru/2003/04/18-15> (in Russ.).
- Zhumagulov, E. (2021). Ya zalozhnik svoey reputatsii ["I am a hostage to my own reputation"]. *Check-point*. Retrieved 19 February 2026 from <https://check-point.kz/publication?id=164> (in Russ.).

Sources

- Zhumagulov, E. (2005). Govori, razdvigaya prostranstvo slovom [Speak, Expanding Space with Words]. *Druzhba Narodov*, 6. Retrieved 12 February 2026 from <https://magazines.gorky.media/druzhba/2005/6/govori-razdvigaya-prostranstvo-slovom.html> (in Russ.).
- Zhumagulov, E. (2006). *Erboldinskaya osen'*. [Erboldin Autumn]. Astana: "Elorda". (in Russ.).
- Zhumagulov, E. (2007). Meningitnoye nebo stolitsy [Meningitic Sky of the Capital]. *Continent*, 132, 84. (in Russ.).
- Zhumagulov, E. Oklikaya angela [Calling out to an angel]. *Setevaya slovesnost'*. Retrieved 5 May 2026 from <https://www.netslova.ru/zhumagulov/stihi.html> (in Russ.).

З.Қ. Темірғазина

Ә. Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті
Павлодар, Қазақстан Республикасы

ЕРБОЛ ЖҰМАҒҰЛОВ ЛИРИКАСЫНДАҒЫ ПОСТМОДЕРНИЗМ ПОЭТИКАСЫ

Аңдатпа. Мақалада қазіргі заманғы қазақ ақыны Ербол Жұмағұлов шығармашылығындағы постмодернизм поэтикасының маңызды белгілерінің бірі ретіндегі интермәтін механизмдері мен көздерін зерттеу мақсаты қойылады. Ақын шығармаларының таңдалуы оның ассоциациялар мен аллюзияларға бай поэтикалық стиліндегі интермәтінділіктің өзіндік қолданысымен айқындалады. Оның поэтикалық мәтіндері палимпсест сипатында көрініс табады, мұнда «екінші» мәтін арқылы жаңа әдеби шығарманы жасауға негіз болған бастапқы мәтіндер «білініп тұрады». Жаңа мағыналардың туындауына негіз болатын ассоциативтік байланыстардың ең маңызды көзі ретінде көркем әдебиет айқындалды: ақындар мен жазушылардың есімдері, әдеби шығармалардағы кейіпкерлер мен жағдаяттар, тарихи тұлғалар мен оқиғалар, діни және мәдени құбылыстар. Жұмағұлов көпқабатты әрі терең көркем универсум қалыптастыру мақсатында парафраз, аппликация, эпиграф, аллюзия, реминисценция тәсілдерін қолданады, мұнда қазақ, антикалық және орыс мәдениетіне тән құбылыстар, кейіпкерлер мен деректер тұтас бір жүйеге тоғысады. Жұмағұлов шығармаларындағы интермәтіндердің идеялық-мағыналық міндеті постмодернистік әдебиет қаһарманына тән экзистенциалдық жалғыздықты бейнелеу болып табылады. Интермәтіндер жаңа мәтінге органикалық түрде ене отырып, ирония, сарказм секілді қосымша мағыналық реңктер арқылы

ассоциативтік байланыстарды белсендіреді, комикалық немесе драмалық әсер тудырады. Ақын жазушылардың, әдеби кейіпкерлердің, тарихи тұлғалардың есімдері мен тектерін және басқа да лексикалық құралдарды ғана емес, сонымен қатар «бөгде» поэтикалық жолдардың синтаксистік әрі ырғақтық-интонациялық құрылымын да шығармашылық тұрғыда игереді. Интермәтін авторлығы әрдайым көрсетіле бермейді, өйткені оқырман Жұмағұлов мәтінін интерпретациялау барысында көпшілікке белгілі тіркестерді тану үшін белгілі бір мәдени қор мен танымға ие болуы қажет. Жұмағұлов лирикасында қалыптасатын көркем әлемнің негізінде автордың өзін қоршаған шынайылықты «деконструкциялауға», ақиқатты іздеу жолындағы «тұрақсыз» шынайылық кеңістігінде кезіп жүруге ұмтылысы жатыр.

Түйінді сөздер: постмодернистік эстетика; интермәтін; палимпсест; парафраз; аллюзия

Z. Temirgazina

Margulan University

Pavlodar, Republic of Kazakhstan

THE POETICS OF POSTMODERNISM IN THE LYRICS OF ERBOL ZHUMAGULOV

Abstract. The article aims to examine the mechanisms and sources of intertexts as a crucial feature of postmodern poetics in the works of contemporary Kazakh poet Yerbol Zhumagulov. The poet's selection of works is motivated by the distinctive use of intertextuality in his poetic style, saturated with associations and allusions. His poetic texts are palimpsests in which primary texts, serving as the basis for the creation of a new literary work, are revealed through a "second" text. It has been found that fiction serves as the most important source of associations for the generation of new meanings: the names of poets and writers, characters and situations from literary works; historical figures and events; and religious and cultural realities. Zhumagulov uses paraphrases, appliqués, epigraphs, allusions, and reminiscences to create a multilayered, profound artistic universe in which Kazakh, classical, and Russian realities, characters, and facts merge into a single whole. The ideological and semantic purpose of Zhumagulov's intertexts is to depict the existential loneliness characteristic of the hero of postmodern literature. Intertexts, organically integrated into the new text, activate associative connections with additional semantic nuances (irony, sarcasm), creating a comic or dramatic effect. The poet borrows not only lexical resources (the names of writers, literary characters, historical figures, etc.) but also the syntactic, rhythmic, and intonational structure of "foreign" poetic lines. The authorship of the intertext is not always indicated, as the reader must possess a certain cultural background to recognize a well-known expression when interpreting Zhumagulov's text. The artistic world created in Zhumagulov's lyrics is based on the author's desire to "deconstruct" the reality around him, to wander through an "unstable" reality in search of truth.

Keywords: postmodern aesthetics; intertext; palimpsest; paraphrase; allusion